

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Сила и бессилие советской разведки	7
Как птица Феникс из пепла	8
Почему погибла «Красная капелла»?	31
Подхалимы, подлецы и патриоты	75
Гитлеровские шпионы сообщали «липу»	82
Дезинформация века: клюнул ли на нее Сталин?	87
На весах истории	97
Глава 2. Забытая мистификация	100
Коронный свидетель	101
Хитрый ход	106
Что реально угрожало «большой тройке»?	109
Мнимые подвиги «диверсанта № 1»	119
Ликвидация немецко-фашистского подполья	125
Молчаливые герои	129
Штирлиц без прикрас	134
Психическая атака на президента	153
Глава 3. Заговор, которого не было	159
Интермеццо	159
Первый след	167
Штурмбаннфюрер СС раскрывает тайну	171
Загробные мемуары	178
Две версии, а суть одна	182
Фальшивые рубли за поддельные документы	186
Отвергнутое предложение	190
Главный Военный совет: пустые хлопоты	195
Пражский вариант терпит фиаско	206
Сезам не открылся	214
Главная военная прокуратура: последняя вежа	217
Финал	221

Глава 4. Совсем иной Зорге	225
Ас советской разведки	228
Бесценные донесения	230
Был ли Зорге двойным агентом?	236
Мерзкие мифомахеры	243
Мечь диктатора	253
Заслуженная награда	262
Кто в ответе за токийский провал?	268
Глава 5. Дело Отто Йона. Новый ракурс	282
Злоключения главного контрразведчика Бонна	285
Поддержку может оказать только Москва	296
«Честный маклер» доктор Вольгемут	300
Тайная вечеря в Вайсензее	305
Запоздалое решение	307
Сокрушительный удар по ЕОС	311
Бегство без преследования	320
«Не могу умереть предателем!»	323
Глава 6. Шпион, не сумевший взорвать Москву	331
Следственный эксперимент на улицах столицы	331
Как становятся предателями?	333
Взлет и падение	338
Покровитель приходит на помощь	341
Рождение самоинициативного шпиона	345
Совместное агентурное предприятие	347
Провал был неизбежен	357
Миф о «жизни после смерти»	362
Зигзаг удачи	371
Кому Пеньковский навредил больше всех?	374

Глава 1

СИЛА И БЕССИЛИЕ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Не правда в силе, а сила в правде.

Валентин Катаев

Давно идет спор: была ли готова разведка Кремля к войне? Казалось бы, сейчас наступило то время, когда создаются условия, чтобы дать аргументированный, объективный, максимально правдивый ответ на этот вопрос. Исследователи уже получили некоторый доступ к архивам спецслужб, куда совсем недавно нельзя было и приблизиться. И компетентные власти уже, можно сказать, не зажимают рты авторам: любая версия имеет право на публикацию и каждый вправе откровенно, не лукавя, высказаться за нее или против. И тем не менее в наших средствах массовой информации редко встретишь непредвзятую, правдивую и трезвую оценку того, как обстояло дело с разведывательным обеспечением военных действий против фашистской Германии. Что мешает? Да, пожалуй, все то же, что и прежде.

Историю разведки у нас толкуют так же, как и историю нашего государства: одни переиначивают всё и вся с позиций твердокаменного марксизма-ленинизма, другие, используя радикальные и ультрарадикальные приемы и методы, бездумно чернят прошлое. Возможно, я несколько упрощаю проблему, но в принципе это так и есть. И, отведав два испорченных блюда, неискушенные читатели, особенно молодые, получают превратное представление о советской разведслужбе и разведчиках. Как противоядие нужны взвешенные, правдивые материалы.

КАК ПТИЦА ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА

О том, что Гитлер не только принял решение напасть на СССР, но и развяжет агрессию в ближайшее время, разведка Кремля, и политическая (внешняя), и военная, узнала задолго до 22 июня 1941 года. Ее стараниями по крайней мере за шесть месяцев до этой трагической даты были добыты планы Верховного командования вооруженных сил фашистской Германии со сроками вторжения, установлены главные направления агрессии, численность — до дивизии — войск, сосредоточенных на советской границе, точное количество боевой техники противника.

Вот почему нельзя ссылаться на внезапное нападение немцев и оправдывать этим наши катастрофические неудачи в начале войны. Нападение было вероломным, это да! Но внезапным, неожиданным — нет! Какая уж тут внезапность, если самое меньшее за полгода все воробьи на кремлевских крышах чирикали: Гитлер вот-вот начнет агрессию против Советского Союза. А наш закордонный агентурный аппарат засыпал Центр сотнями шифрованных радиogramм и десятками пересланных курьерской связью подробных докладов, скрупулезно, шаг за шагом освещая подготовку гитлеровского нападения.

Восстановленная поистине нечеловеческими усилиями после истребительной кровавой чистки 1937–1939 годов (почти все руководящие кадры, начиная с заместителей начальников отделений, были репрессированы) советская система разведки, включавшая стратегические службы, политическую и военную, а также ближнюю Главного управления пограничных войск НКВД и прикордонных военных округов, к началу войны функционировала безотказно. И напрасно утверждают сейчас недоброжелательные исследователи, что важные сообщения, полученные из зарубежных резидентур и от приграничной агентуры, оседали в архивах и не докладывались «наверх». На самом деле руководители разведслужб исправно направ-

ляли их Сталину, Молотову, наркому обороны до нападения фашистского вермахта на СССР. Только внешняя разведка НКВД-НКГБ доложила руководству страны свыше ста важных документов о подготовке гитлеровской агрессии.

Из архивной справки

Военная разведка своевременно засекала передвижения германских войск в Европе, их концентрацию в Восточной Пруссии и Польше, переброску в Румынию, Венгрию и Финляндию. Еще в конце 1940 года Сталину, Молотову и Берии было доложено: численность немецких войск на востоке во много раз превосходит силы, необходимые, как утверждали в Берлине, «для охраны границ».

Через одиннадцать дней после подписания Гитлером 18 декабря 1940 года плана «Барбаросса» — директивы № 21 о подготовке нападения на СССР — советский военный атташе в Берлине сообщил в Москву: «Гитлер отдал приказ готовить войну против Советского Союза. Военные действия начнутся в марте 1941 года». Вскоре наши военные разведчики получили подробное изложение этого плана. Его тоже доложили Сталину.

В ряде специальных сообщений НКГБ в марте, апреле и мае 1941 года руководству государства и КПСС, Наркомата обороны и Генштаба была доведена обобщенная информация о наращивании группировки немецких войск на границах с СССР, распределении сил вермахта по театрам и фронтам военных действий. Разведуправление Красной армии оценило, что на наших границах сосредоточена 191 дивизия противника, из них немецких — 146. Эти цифры, как выяснилось после войны, почти совпали с реальными данными — 190 и 153 соответственно.

Из архивной справки

В октябре 1940 года заместитель народного комиссара внутренних дел Иван Масленников, занимавшийся в то время пограничными войсками, послал две подробные докладные записки (№ 18/2623 и 18/2625) Сталину, Мо-

лотову, наркому обороны Семену Тимошенко и начальнику Генштаба Георгию Жукову с конкретными данными о сосредоточении на подступах к СССР пехотных и танковых дивизий, артиллерийских полков и других сил и средств противника.

В конце концов не выдержал и Берия. 12 июня 1941 года он направил Сталину и Молотову спецсообщение № 1996/Б с данными об усилении разведывательной деятельности немцев в приграничном районе: с 1 января по 10 июня погранвойсками задержано около двух тысяч нарушителей со стороны Германии, среди них разоблачено 183 немецких шпиона.

Отмечалась в записке и возросшая активность германской разведки с воздуха. С октября 1940 года по 10 июня 1941 года произошло 185 вторжений в воздушное пространство СССР, в том числе за последние десять дней — 91 нарушение.

Это только малая часть оперативно-тактических сведений, доведенных руководителям партии и правительства по линии пограничных войск.

Политическая (внешняя) разведка, находившаяся до февраля 1941 года в ведении НКВД, а затем вошедшая в подчинение нового ведомства — Наркомата государственной безопасности, получила еще более ценные данные.

Из архивной справки

Разведка НКГБ в спецсообщении № 106 от 02.04.1941 года:

«Планом нападения на Советский Союз по линии Главного штаба германских ВВС предусмотрено в первую очередь воздушными бомбардировками парализовать следующие железнодорожные магистрали:

- 1) Тула — Орел — Курск — Харьков;
- 2) Киев — Гомель;
- 3) южную линию, идущую через Рязск;
- 4) южную линию через Елец.

Этим немцы хотят вывести из строя экономическую артерию направления Север — Юг и воспрепятствовать подвозу резервов с востока на запад...

Объектами бомбардировок в первую очередь являются электростанции, особенно Донецкого бассейна, моторостроительные и шарикоподшипниковые заводы и предприятия авиационной промышленности в Москве...

Акция против Советского Союза утверждена, нападение последует в скором времени».

***Из сообщения берлинской резидентуры НКГБ
от 30.04.1941 года:***

«Источник Старшина (один из ценных агентов внешней разведки Харро Шульце-Бойзен. — В. Ч.), сотрудник Главного штаба германских ВВС, передал: по сведениям, полученным от Грегора, офицера связи между Министерством иностранных дел и Главным штабом, вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп (гитлеровский министр иностранных дел. — В. Ч.), который до сих пор не являлся сторонником войны против СССР, видя твердую решимость фюрера в этом вопросе, присоединился к позиции сторонников нападения на Россию...

По сведениям, полученным от Лейббрандта, референта по русским делам внешнеполитического отдела НСДАП (нацистской партии. — В. Ч.), подтверждается сообщение Грегора о том, что выступление против Советского Союза считается решенным».

А вот что сообщал с другого конца нашей планеты токийский резидент Разведуправления Красной армии, выдающийся разведчик Рихард Зорге:

«15.06.1941 года (по радио). Война начнется в конце июня».

И в этот же день вторая радиограмма с уточнением:

«Нападение произойдет на широком фронте 22 июня».

Зорге направил в Центр десятки телеграмм такого рода. Все это не слухи, а данные, подтвержденные документами.

Заметки на полях

Шульце-Бойзен Харро (1909–1942). Оперативные псевдонимы — Кора, Старшина.

Родился в семье военного моряка. Его отец дослужился до капитана 1 ранга. Являлся внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, женат на родственнице князя Эйленбурга — Либертас Хас-Хейе. Учился на юридическом факультете Берлинского университета. Студентом увлекся социалистическими идеями, симпатизировал борьбе рабочего класса. В начале тридцатых годов начал издавать журнал «Дер Гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер. В 1933 году с приходом фашистов к власти журнал был закрыт, а сам издатель на короткое время арестован.

Выйдя на свободу, Х. Шульце-Бойзен, чтобы избавиться от дальнейших преследований гестапо, поступил в училище транспортной авиации. Блестяще закончив курс обучения, он был назначен в один из отделов министерства авиации, где дослужился до обер-лейтенанта.

В 1938 году Х. Шульце-Бойзен сообщил советскому полпредству в Берлине о тайных приготовлениях гитлеровцев к военным действиям в районе Барселоны, где республиканские войска держали оборону против мятежных сил генерала Франко. Используя свою службу в министерстве, Старшина информировал советскую разведку об увеличении числа шпионских полетов германской авиации над территорией СССР, о фашистских планах бомбардировки Ленинграда, Киева и Выборга, передал данные о численном и боевом составе германского военно-воздушного флота к началу войны против Советского Союза, о положении с горючим и концентрации боевых отравляющих веществ и ряд других важных сведений.

Перед началом Второй мировой войны Х. Шульце-Бойзен установил связь со старшим правительственным советником Арвидом Харнаком, работавшим в министерстве экономики, который с 1933 года руководил кружком противников Гитлера, принадлежавших к различным политическим

направлениям и народным слоям. Вместе с видными функционерами Компартии Германии Ионом Зигом и Вильгельмом Гуддорфом он возглавил одну из крупных организаций Сопротивления в начале Второй мировой войны.

31 августа 1942 года Х. Шульце-Бойзен был арестован. Судебный процесс проходил с 15-го по 19 декабря 1942 года. Подсудимый сохранил стойкость до конца. Приговорен к смерти через повешение. Казнен в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее.

Посмертно награжден орденом Красного Знамени (1969).

Зорге Рихард (1895–1944). Оперативные псевдонимы — Рамзай, Отто, Инсон. Герой Советского Союза.

Родился в Баку в семье немецкого техника, служившего на нефтяных промыслах. Вырос в Германии. Участник Первой мировой войны. В 1917–1919 годах — член Независимой социал-демократической партии, с 1919 года — член Компартии Германии. За политическую деятельность подвергался репрессиям со стороны властей. В 1925 году приехал в СССР. Годом позже вступил в ВКП(б).

С 1924 года — сотрудник Коминтерна, работал в советских учреждениях, написал несколько работ по проблемам международных отношений и международного коммунистического движения. Доктор экономических и политических наук.

В 1929 году зачислен в Разведывательное управление Красной армии. В тридцатых годах успешно действовал в Китае и Японии. Руководимая им токийская резидентура собирала важную политическую, экономическую и военную информацию, сведения об агрессивных планах германских фашистов и японских милитаристов перед Великой Отечественной войной и в ее начальный период. Он сумел приобрести важные источники в германском посольстве в Токио и в японском правительстве.

В октябре 1941 года Р. Зорге был арестован японской контрразведкой. Казнен 7 ноября 1944 года.

Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза в ноябре 1964 года.

К лету 1941 года советские разведывательные структуры, принадлежавшие Наркоматам государственной безопасности, внутренних дел, обороны и военно-морского флота, восстановили свою деятельность, нарушенную в ходе репрессий 1937–1939 годов, сумели своевременно предупредить руководителей партии, государства и вооруженных сил о подготовке агрессии против СССР, сроках нападения, стратегических направлениях вторжения, развертывания войск противника, их численности, количества боевой техники и вооружения.

Удалось воссоздать к этому сроку легальные резидентуры в главных пунктах, укрепить и расширить нелегальный аппарат, которые очень пострадали в результате сталинско-бериевской чистки. Теперь известно, что разведывательные органы очищались от «врагов народа» с большей жестокостью и палаческим рвением, нежели другие структуры государственного и партийного аппарата.

Потери личного состава разведслужб оказались столь велики, что наверх в 1938 году не поступило ни одного спецсообщения в течение 127 дней. Подумать только: около полугода глаза и уши советского государства были полностью парализованы!

Приведу еще два факта.

В январе 1939 года в берлинской резидентуре НКВД из 16 сотрудников оставалось только двое. Но в канун войны удалось воссоздать работоспособную агентурную сеть. Две трети всех сообщений политической разведки для руководства страны в 1940–1941 годах о военных приготовлениях Германии против СССР были составлены на основании сведений берлинской резидентуры.

Лондонскую точку НКВД в 1939 году фактически закрыли. В ней остался лишь один оперативный сотрудник. Восстанавливать ее деятельность пришлось, можно сказать, с нуля. Но к моменту гитлеровской агрессии против Советского Союза важная информация стала поступать в Центр и отсюда.

Вот так: сперва бездумно уничтожали собственную разведку, а потом, не считаясь ни с чем, одержимо восстанавливали до основания разрушенные структуры. Кто выдержал бы такое? Чей народ? Какое государство? Никто, кроме нас.

Сейчас речь шла о так называемых легальных резидентурах, которые действовали под «крышей» советских дипломатических и иных зарубежных представительств.

Но с 1939 года наши разведслужбы приступили к укреплению старых и созданию новых нелегальных точек. В результате к началу гитлеровской агрессии в Германии и в ряде европейских государств были созданы агентурные организации, которые немедленно вступили в действие после 22 июня 1941 года. Возглавлявшиеся такими выдающимися разведчиками, как Леопольд Треппер (Отто) и Константин Ефремов (Паскаль) во Франции и Бельгии, Шандор Радо (Дора) в Швейцарии, Арвид Харнак (Корсиканец) и Харро Шульце-Бойзен (Старшина) в Германии, Рихард Зорге (Инсон) в Японии, они, эти нелегальные резидентуры, внесли большой вклад в отражение гитлеровского нашествия на начальном, архитрагическом для нас этапе Великой Отечественной войны. Благодаря невероятным усилиям асов разведслужбы Кремля важные информационные документы, которые докладывались руководителям партии и государства, отличались точностью, достоверностью, разносторонностью и глубиной содержания. К сожалению, контрразведка противника со второй половины 1941 года начала выводить эти точки из строя. Несмотря на все старания, советская агентурная сеть в глубоком немецком тылу смогла фактически продержаться лишь до осени 1943 года.

Заметки на полях

Треппер Леопольд (1904–1982). Оперативные псевдонимы — Леба Домб, Алам Миклер, Жан Жильбер, Лео, Отто, Большой Шеф.

Родился в Польше в семье лавочника. В 1924 году переселился в Палестину. С 1929 года член ЦК Компартии Палестины. В 1930 году был арестован полицией. С конца этого года — во Франции. В 1932 году переехал в Советский Союз. В 1934 году закончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. С 1935 года вел рубрику по проблемам культуры в газете для евреев «Эмес».

С 1936 года на нелегальной работе во Франции и Бельгии. Осенью 1938 года стал резидентом Разведуправления Красной армии в Бельгии, а потом во Франции. Успешно руководил агентурной сетью, получившей в гестапо кодовое название «Красная капелла» (или «Красный оркестр»).

В ноябре 1942 года был арестован гестаповцами. В сентябре 1943 года бежал из-под стражи, скрывался в подполье до прихода во Францию союзнических войск. По возвращении в Советский Союз репрессирован. Освобожден в 1954 году. С 1957 года жил в Польше. В 1973 году эмигрировал в Израиль, затем переехал во Францию.

Ефремов Константин Лукич (1910 — дата и место гибели документально не установлены). Хотя имеется приговор фашистского военного трибунала, что он должен быть расстрелян. Ходят слухи, что Ефремов остался жив и ему удалось перебраться в Латинскую Америку. Оперативные псевдонимы — Паскаль, Поль. Майор (по другим данным военинженер 2 ранга).

Окончил в 1937 году Военную академию химической защиты, после чего был зачислен в Разведуправление Красной армии. В 1939 году направлен в Бельгию в качестве резидента. Успешно руководил хорошо законспирированной сетью агентов в Бельгии и Голландии. В конце июля 1942 года арестован гестапо. В исключительно сложных обстоятельствах он сумел передать Л. Трепперу, что под пытками выдал свой шифр. По свидетельству английской контрразведки, использовать рацию Паскаля для радиогри с московским Центром гестапо не удалось, так как он отказался от такой работы. Видимо, в отместку за это гестаповцы решили уничтожить советского резидента.

Радо Шандор (1899–1981). Оперативные псевдонимы — Альберт, Дора.

Родился в семье венгерского торговца. После окончания гимназии в 1917 году призван в армию. Окончил артиллерийское училище. Одновременно поступил на юридический факультет Будапештского университета. С декабря 1918 года — член компартии Венгрии. Служил политкомиссаром 6-й дивизии советской Венгрии. С 1919 года в эмиграции в Австрии. Сотрудничал с венским журналом «Коммунизм». В июне 1920 года организовал информационное агентство «Роста-Вин», передававшее информацию о Советской России, а затем — интернациональное телеграфное агентство «Интел», готовящее новости для московской печати. В 1921 году был делегатом конгресса Коминтерна в Москве. С середины 1922 года — в Германии. Студент Берлинского, а затем Лейпцигского университетов.

Сотрудник военного аппарата КПГ (компартии Германии. — *Прим. ред.*). В 1924–1925 годах — в Москве, работал картографом, продолжал служить в Коминтерне. В 1925 году вновь в Берлине, а с 1933 года во Франции, руководитель картографического агентства, одновременно сотрудник Коминтерна.

С 1935 года стал работать в Разведуправлении Красной армии. В 1936 года командирован в Швейцарию. Был сотрудником, а затем резидентом до провала этой точки в конце 1943 года, после чего находился в подполье во Франции.

После окончания войны был отозван в Москву. Репрессирован. В 1955 году освобожден из заключения. Реабилитирован. Выехал на жительство в Венгрию, где стал университетским профессором.

Харнак Арвид (1901–1942). Оперативные псевдонимы — Балтиец, Корсиканец.

Родился в Дармштадте (Германия). Отец — историк литературы Отто Харнак. Дядя — известный теолог Адольф фон Харнак. В 1920–1923 годах изучал в Йене и Граце юри-

дические науки; в 1924 году получил ученую степень доктора юриспруденции, затем поступил на работу в Архив мировой экономики и Институт международной политики Гамбургского университета. В 1925 году — студент Лондонской школы экономики. С 1926 года рокфеллеровский стипендиат в университетах Висконсина и Мэдисона (США), где изучал историю профсоюзного движения и политическую экономию. Два года спустя вернулся в Германию и продолжил обучение в Гиссенском университете, где в 1931 году защитил диссертацию «Домарксистское рабочее движение в США» и получил ученую степень доктора философии.

В 1931 году А. Харнак стал одним из основателей Общества по изучению советского планового хозяйства и организовал в августе 1932 года ознакомительную поездку 24 немецких экономистов и инженеров в СССР.

После прихода к власти Гитлера создал подпольный антифашистский кружок, связанный с Компартией Германии.

С 1935 года А. Харнак в ранге правительственного, а затем старшего правительственного советника занимал ответственные должности в министерстве экономике.

В 1935 году стал вести разведывательную деятельность в пользу Советского Союза. По заданию внешней разведки НКВД в 1937 году вступил в нацистскую партию.

Арестован гестапо 3 сентября 1942 года. 19 декабря того же года приговорен к смерти через повешение. Спустя три дня казнен в берлинской каторжной тюрьме Плётцензее.

Посмертно награжден орденом Красного Знамени (1969).

Забегая вперед, скажу, что одна из основных причин провалов наших нелегальных резидентур — это нарушение Центром правил безопасности. Сейчас мы понимаем: так поступали вынужденно, как говорится, не от хорошей жизни. Высшее руководство требовало все больше секретных сведений о противнике, развернувшем против нас молниеносную войну, не считаясь с тем, что нелегалам-радистам приходилось буквально часами «висеть» в эфи-

ре, передавая растущий поток информации. Но объективно это был подарок немецким контрразведчикам: они успевали точно засечь координаты раций. Наши разведчики видели серьезную для себя опасность, но шли на большой риск, лишь бы своевременно передать в Москву полученную важную информацию. Вольно или невольно они становились своего рода камикадзе.

А теперь надо сказать вот о чем. Накануне войны в результате энергичных кадровых мер удалось направить в разведку НКВД-НКГБ СССР 800 членов партии с высшим и неоконченным высшим образованием. В числе их оказались такие ныне известные выдающиеся разведчики, как генерал-лейтенант Павел Фитин, руководивший внешней разведслужбой с 1939 года; генерал-лейтенант Виталий Павлов, возглавлявший в шестидесятых годах службу нелегальной разведки, а затем занимавший пост заместителя начальника Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР; Герой Российской Федерации полковник Александр Феклисов, руководивший в первой половине шестидесятых годов резидентурой в Вашингтоне, а затем американским отделом разведывательного главка; полковник Евгений Кравцов, ставший в начале пятидесятых годов резидентом в Вене, а по возвращении в Москву — начальником немецкого отдела центрального аппарата. Всего за границу для работы, как это называют разведчики, «в поле» направили более двухсот сотрудников в легальные резидентуры.

Не забыли и о маскировке. В 1940–1941 годах увеличилось число ведомств, используемых для прикрытия оперработников внешней разведки. Кроме дипломатических и торговых представительств разведчиков стали посылать в отделения ТАСС, Всесоюзного объединения «Интурист», Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. В первую очередь дополнительные оперативные сотрудники были направлены в легальные резидентуры, находившиеся в Великобритании, Соединенных Штатах, Германии, Китае, Иране, Турции, Афганистане, Японии, Болгарии, Польше.